

ВАЛЕРИЙ КОВАЛЕВ

**Морской
юмористический сборник**

РАССКАЗЫ, БАЙКИ И СТИХИ

Валерий Николаевич Ковалев Морской юмористический сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400672

ISBN 9785447472948

Аннотация

Единственный в своем роде юмористический сборник о службе в современном ВМФ. Все сюжеты имели место. В море, на берегу и личной жизни.

Содержание

Игры настоящих мужчин	5
Воришки	9
Наколки	13
Боевое содружество	18
Губари	31
Крысиный король	38
Годок	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Морской
юмористический сборник
рассказы, байки и стихи**

**Валерий
Николаевич Ковалев**

© Валерий Николаевич Ковалев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игры настоящих мужчин

После очередного возвращения с моря, а это было накануне воскресенья, замполит нашего подводного крейсера Башир Нухович Сокуров, дабы поднять боевой настрой моряков, организовал в экипаже соревнования по перетягиванию каната.

Этот вид спорта культивировался на флоте издавна и по популярности стоял тогда на втором месте после забивания козла. Были сформированы две команды, в одну из которых включили личный состав БЧ-5 (механиков), а во вторую мореходов из так называемых «люксовых» подразделений, куда входили минеры, радиометристы, химики и прочая флотская аристократия.

В качестве приза командование выделило ящик сгущенки. Победившей считалась команда, трижды перетянувшая противников.

Боцмана притащили мягкий швартов, растянули по пирсу и намалевали там разграничительную линию. Затем с разных сторон за него ухватились атлеты и по знаку замполита стали тянуть в разные стороны. Поскольку с каждой из них действовало по два десятка крепких парней, можно представить, какова была тяговая сила. Швартов натянулся как струна и с переменным успехом медленно полз то в одну, то в другую сторону. Все это сопровождалось восторженными

ми криками и улюлюканьем многочисленных зевак с нашей и соседней лодки.

Большинство прочило победу команде люксов, в которой находились все корабельные швартовщики во главе с экипажным силачом Ксенженко.

Однако ни тут-то было. Поднаторевшие в таскании кабелей при приеме электропитания с берега, механики оказались сильнее. Через несколько минут канат неумолимо пополз в их сторону. Этим маслопупы не ограничились и по знаку командира БЧ-5 рванули канат в сторону. Часть люксов повалилась на пирс, а остальные, во главе с матерящимся Ксенженко, были утянуты за роковую черту. То же самое повторилось еще дважды и механики уже предвкушали победу, когда выяснилось следующее. В то время как мы тупо тянули канат, хитрые механики особо не напрягались, ибо находящийся с их стороны конец оказался закрепленным за одну из «уток» пирса. Прodelал это трюмный из числа болельщиков, по кличке «Желудок». В результате победа никому не досталась, хотя сгущенку у нас и не отобрали.

Кстати, этот трюмный был весьма оригинальным кадром. За давностью лет фамилию я его запомнил, но отлично помню, что был он москвичом и внешностью напоминал херувима. На этом все его достоинства исчерпывались. Малый отличался ленью, отвращением к воде и небывалой прожорливостью. Но если с первой корабельные начальники худо-бедно справлялось, водобоязнь и чувство голода, у Же-

лудка были неистребимы. Он никогда не умывался и постоянно что-нибудь жевал. Когда экипаж следовал в баню, грязнуля прятался и туда его тащили принудительно. Мыли тоже общими усилиями, награждая зуботычинами. В то же время аппетит Желудка мы всячески развивали, ибо он служил предметом своеобразного развлечения.

На флотилии между корабельными обжорами регулярно устраивались негласные соревнования, проводившиеся, как правило, на камбузе. В течение зимы наш «Гаргантюа» со значительным перевесом победил нескольких соперников из лодочных экипажей других дивизий и был допущен к встрече с местной знаменитостью. То был кок-азербайджанец с базового камбуза. В отличие от тощего Желудка весил он больше центнера и об аппетите сына гор в матросской среде ходили легенды.

По условиям соревнований, победителем считался тот, кто быстрее съест все то, что перед ним поставят.

Встреча состоялась после ужина в варочном цехе, когда мы стояли в камбузном наряде, при большом стечении желающих поразвлечься.

Весь день Желудка держали впроголодь, и он закатывал истерики. Однако, как только их с коком усадили за стол и перед каждым поставили по полному бачку котлет, успокоился и сразу же проглотил половину из них. Причем это были не те жалкие полуфабрикаты, что продаются сейчас, а настоящие флотские котлеты – сочные, из настоящего мяса

и величиной с небольшой кулак.

Размеренно двигающий челюстями кок усилил их ход, но было поздно. С невозмутимым видом Желудок заглотал все оставшееся в его посудине, затем сыто рыгнул и продекламировал, «Еще бокалов жажда просит, залить горячий жир котлет!» После чего прямо из соска выдул целый чайник компота и ангельски улыбнулся. Азербайджанцу ничего не оставалось, как признать свое поражение.

В казарму мы возвращались затемно, гордые победой и бережно ведя под руки что-то жующего сонного победителя.

Воришки

Северодвинск. Беломоро-балтийская ВМБ. Бригада строящихся кораблей.

Наш экипаж завершает государственные испытания атомного подводного крейсера нового поколения, а между морями обретается в порту, на древней плавбазе «Иртыш».

В один из таких дней, нас с Витькой Допиро вызывают к помощнику командира, который сообщает, что мы назначаемся вестовыми в офицерскую кают-компанию, или как говорят на местном «эрго» – гарсунками.

Эта новость нас не особенно радует, и мы пытаемся отказаться под разными предлогами.

Но помощник непреклонен и уже на следующий день, облачившись в белые курточки, мы с приятелем кормим наших офицеров и мичманов в кормовой кают – компании плавбазы.

Это обширное помещение размером примерно в сорок квадратных метров, с длинным массивным столом в центре и вращающимися креслами вокруг. Вдоль его стен тянутся мягкие кожаные диваны, в углу стоит пианино, на иллюминаторах бархатные занавески. Рядом с кают-компанией небольшая подсобка (гарсунка), в которой хранятся бачки, термосы, столовые приборы и всякая дребедень, необходимые для кормления офицеров и мичманов.

Понемногу освоившись на новом поприще, мы внезапно уясняем целый ряд выгод для себя. Во – первых, по утрам не нужно бегать на зарядку. Во – вторых, после кормлений остается прорва свободного времени. В третьих – мы становимся обладателями множества продуктов, которые не подают офицеры. Это масло, сыр, печенье и колбаса. Короче для нас с Допиро наступили золотые деньки.

Мы всласть отоспались, питались в основном деликатесами и здорово набрали в весе. Как всякий уважающий себя «гарсун», с помощью умельцев с плавбазы Витька сделал себе несколько флотских наколок и отпустил усы. Один раз в неделю нас увольняли в город, где за полученные от интенданта деньги мы покупали для офицерского стола различные фрукты и сладости. Почти всегда оставалось и на бутылку портвейна, которая неспешно распивалась в укромном месте.

После ужина, занеся ребятам в кубрик что-нибудь из продуктов, мы уединялись в кают-компании, где Витька овладевал искусством игры на пианино, а я с увлечением читал «Морские сборники», которые выпрашивал у офицеров. Однако вскоре наша райская жизнь нарушилась.

Стали пропадать вареные яйца, которые мы каждый вечер получали на завтрак для офицеров и мичманов. Хранились они в подсобке, в стоявшем на палубе большом лагуне. Ключи от нее были только у нас. За ночь исчезало до десятка и никаких следов.

По утрам, обделенные полагающимся им по приказу Главкома продуктом, командиры начинали брюзжать и выражать нам свое недовольство, требуя этот злосчастный эмбрион. Причем делали они это не от скупости, а из принципа, положено – отдай.

И неважно, что зачастую яйцо не съедалось, оставаясь сиротливо лежать на тарелке. Оно должно быть выдано. Такой вот порядок.

Несколько раз мы выходили из положения, выпрашивая недостающие яйца у коков на камбузе, однако кражи не прекращались. Неуловимые воры продолжали разрушать наше благополучие.

Ими оказались крысы. В один из поздних вечеров, мы как обычно сидели в кают-компании. Виктор проявлял отснятую накануне фотопленку, а я, сидя на диване и дымя папиросой, размышлял, как изловить вора. Свет у нас был вырублен, а в подсобке горел. Внезапно там послышался какой-то шорох и у стоящего на палубе лагуна, до верху наполненного яйцами, появилась огромная крыса.

Я легонько толкнул приятеля в бок и указал пальцем в сторону подсобки. Поводив усатой мордой по сторонам, грызун ловко взобрался на лагун и носом столкнул с него одно яйцо. Затем спрыгнул вниз, обхватил его лапками и опрокинулся на спинку. Тут же откуда-то появились еще две крысы поменьше, которые зубами ухватили ворюгу за хвост и потащили его в дальний угол подсобки.

Там вся компания носами затолкала яйцо за отставший плинтус и вновь вернулась к лагуну. На наших глазах крысы проделали эту операцию еще несколько раз и исчезли, как только почувствовали неладное. Плинтус мы тут же укрепили и долго обсуждали увиденное.

То, что эти грызуны очень умны, не новость. Однако, чтобы дать такое представление, нужен и богатый опыт. Не иначе, как та крыса была ветераном судна, может быть еще с военных времен.

После этого случая кражи прекратились, но было поздно – «хлебных» должностей нас лишили и вновь водворили на лодку. Чтоб служба раем не казалась...

Наколки

– Во-во, именно так и малюй, – встряхнув вороним чубом, затягивается беломориной Жора Юркин, стряхивая пепел в иллюминатор.

Высунув кончик языка, и сощутив прозрачные глаза, экипажный художник Витька Бугров, макая в пузырек с черной тушью умыкнутое у штурманов стальное перо «рондо», изображает на листе кальки свой очередной шедевр.

На нем силуэт атомной подводной лодки, на фоне «розы ветров» и земного шара, а внизу, витиевато выполненный вензель «КСФ»

Потом все это будет перенесено на предплечье очередного клиента, обколото тремя, связанными вместе иглами и станет подтверждением его славной службы в подплаве Северного флота.

Этот самый клиент и мой ближайший друг Витька Допиро, сидит напротив Бугрова, шевелит кошачьими усами и с интересом пялится на шедевр.

– Слышь, Бугор, – уважительно обращается он к художнику. – А ты можешь изобразить кочегара, как у боцмана на жопе?

– Могу, Витек, могу, – мечтательно бормочет тот и принимает от Жоры дымящийся бычок.

У боцмана, мы видели в бане, на левой ягодице выколот

забавный кочегар в тельнике, в руках у которого исчезающая в определенном месте кочерга, а на правой, вырывающиеся оттуда клубы пара. При ходьбе все это приходит в неповторимую гармонию и вызывает у зрителей неопиcуемый восторг.

Наколки на всех флотах мира существуют со времен Колумба, и наш, Северный, не исключение. Они есть у многих офицеров, мичманов и даже адмиралов. Не так давно на лодке побывала комиссия из Москвы, возглавляемая Главкомом, и на пальцах одного из сопровождавших его адмиралов было выколото «ВАСЯ».

– Ну, вот и все, – удовлетворенно хмыкает Бугор, и мы с интересом рассматриваем его очередное творение.

– Молоток! – хлопает художника по плечу Жора и, аккуратно свернув кальку, передает ее Витьке.

На следующий вечер, после ужина, мы втроем – Жора, Витька и я, идем в плавбазовскую баталерку. Там нас уже ждем местный спец по наколкам – Степка Чмур.

– Ну че, принесли? – вопрошает он и кивает на стоящие у стола «банки».

Мы молча усаживаемся, Витька поочередно извлекает из-за пояса наполненную доверху плоскую флягу с «шилом», а из кармана, исполненный Бугром рисунок.

– Тэ-экс, поболтавв руке посудину, разворачивает Степан кальку. – Путевая трафаретка. Кодем?

– Ну да, – солидно кивает Жора, а Витька с готовностью

стягивает с плеч робу вместе с тельником.

На выпуклой груди, справа, у него уже красуется Нептун с русалкой, наколотые еще в учебке, а на правой, хорошенькая головка девушки.

Между тем Чмур готовится к операции, и на столе поочередно возникают многоцветная шариковая ручка, плоская жестяная коробка с иглами и флакон с синего цвета густой жидкостью.

– Личная рецептура, – свинтив с него крышку, сует Степка флакон в нос Витьке. – Жженая резина, спирт и чернила.

– А я от нее, того, не гигнусь? – с сомнением нюхает тот смесь.

– Не ссы, Витек, – подмигивает ему Чмур. – Все будет как в лучших домах ЛондОна! Садись-ка ближе.

Верить Чмуру можно. Добрая половина плавбазовских щеголяет мастерски исполненными им наколками, и у Степана нет отбоя от ценителей художественной росписи.

Допиро с готовностью усаживается рядом с мастером, тот хватает его за руку и, поглядывая на рисунок, быстро воспроизводит его синей пастой на левом предплечье.

– Ну, как?

– Глаз-алмаз, – пододвигаемся мыс Жорой ближе и цокаем языками. – Давай, Степ, запыживай.

Насвистывая какую-то мелодию, Чмур достает из ящика стола индивидуальный пакет, отрывает кусок бинта и обильно смачивает его спиртом. Потом то же самое проделывается

с иголками, и таинство начинается.

– Т-твою мать, – шипит побелевшими губами Витька, и на его лбу выступает пот.

– Ниче, – строча макаемыми во флакон иглами по контуру рисунка на руке, – тянет Чмур.

Из возникающих проколов струится кровь, которую, время от времени, он промокает бинтом. Зрелище не для слабонервных, и мы с Жорой закуриваем.

– И мне, – хрипит Витька, и я даю ему несколько раз затянуться.

Минут через пять Степа откладывает иглы в сторону, дает Витьке немного отдохнуть и тоже тянет из пачки сигарету.

– А вот вам военный анекдот, – окутывается он дымом. – Наш боцман рассказал.

Притаскивают, значит в госпиталь после боя моремана. Конец осколком оторвало. Кладут на стол, врач зашивает, что осталось, а операционные сестры, видят на обрубке наколотые буквы».. ля». Приходят после операции в палату и интересуются «товарищ краснофлотец, а что у вас на пипке было написано? Валя, Оля или Юля?»

Тот посмотрел на них и говорит – там было написано «Привет ивановским ткачихам от героических моряков Севастополя».

– Га-га-га! – корчатся все от смеха, и Жора давится сигаретой.

Потом таинство продолжается.

Спустя час работа завершена, и на багрового цвета Витькином предплечье, красуется синяя наколка.

– Да, сделано путем, – после тщательного осмотра констатирует Жора.

– Какой разговор, – пожимает плечами Чмур, и еще раз протирает спиртом свое творение. – Через пару дней опухоль спадет, и все будет в ажуре.

После этого мы разливаем остатки в извлеченные Чмуром кружки, разводим водой из крана и «обмываем» наколку.

На следующее утро у Витьки поднимается температура, и мы тащим его после подъема флага в корабельную санчасть.

– Докололись, мать вашу! – возмущенно орет на нас лодочный врач Алубин, и, осмотрев больного, сует ему горсть таблеток. – Пей!

Впрочем, орет он не совсем искренне. У старшего лейтенанта тоже имеется наколка. Причем весьма импозантная и выполненная цветной тушью.

Затем док что-то черкает в журнале приема, определяет Витьке один день постельного режима, а мы уходим на лодку.

В следующую субботу, в окружении прочих интеллектуалов, Допиро целеустремленно «забывает козла» в кубрике, к Чмuru отправляются еще два клиента, а великий художник Бугров, в окружении почитателей его таланта, живописует на кальке, готовящегося к претворению в жизнь кочегара.

Боевое содружество

Погожее летнее утро. Синь залива под солнцем, легкий туман над водой.

На обширном пустом причале, у высокого борта плавбазы, стоит военный, крытый тентом грузовик и короткий строй моряков, во главе с мичманом. Напротив – молодой лейтенант со значительным лицом.

Лейтенант – командир штурманской группы, мичман – старшина команды, а шестеро матросов их подчиненные.

По приказу старпома группа занаряжена в командировку в Архангельск, для получения на базовых складах штурманского оборудования.

– Слушать меня, – грозно обводит всех глазами лейтенант. – В пути не курить, похабных песен не орать и вести себя достойно. Ясно?

– Я-асно, – вразнобой тянут моряки, переминаясь с ноги на ногу.

– Тогда, все в машину, – смотрит офицер на часы и вместе с мичманом направляется к кабине.

Через минуту, урча двигателем, грузовик катит в сторону КПП, а из кузова скалятся веселые рожи.

– Хоть Архангельск поглядим, – гудит старослужащий, штурманский-электрик Серега Корунский и достает из кармана пачку «Примы».

– Ага, – поддерживает его приятель – боцман Вовка Осипенко, вытряхивая из пачки сигарету.

Остальные довольно подпрыгивают на лавках и пялятся по сторонам.

Вскоре Северодвинск остается сзади, грузовик набирает ход и, ровно гудя мотором, несется по трассе.

– Жизнь, – восхищенно шепчет рулевой-сигнальщик Иван Лука, выглядывая из кузова и озирая зеленые окрестности. – Щепка на щепку лезет.

– Кому что, а голому баня, – бросает кто-то из моряков и все хохочут.

Через час, замедлив ход, грузовик въезжает в Архангельск, направляется в сторону железнодорожного вокзала, а от него в сторону расположенных в небольшом лесу складов.

– Вот курва, а мы думали в городе, – недовольно брюзжат моряки, когда, миновав КПП с якорями на воротах, машина въезжает на их территорию.

– Значит так, – говорит лейтенант, когда все выгружаются. – Всем ждать меня в курилке, – тычет рукой в сторону небольшой площадки с вкопанной под сосной бочкой и лавками. – Осипенко, остаешься за старшего.

После этого они с мичманом идут в сторону административного здания, а моряки направляются к бочке.

Там, на лавке, со скучающим видом сидит мордастый старшина и что-то тихо насвистывает.

– Звидкиля, причапали? – лениво интересуется он и сплевывает на песок.

Когда узнает, откуда, – уважительно кивает головой и пожимает всем руки.

– А мы ось тут, припухаемо, – кивает на разбросанные меж сосен склады. – В обслузи так сказать.

– В город как, часто пускают? – интересуется Славка Гордеев.

– Та почитай кожный день, – пожимает плечами старшина. – Увэчери морэ на замок и гуляй Вася.

– Клево устроился, – подмигивает своим Серега Алешин. – Типа «люблю море с берега, корабль на картинке».

Те толкают друг друга локтями и дружно гогочут.

– Слухайтэ, хлопци, а у вас жетоном «За дальний поход» нельзя разжиться? – интересуется мордастый. – Скоро ДМБэ, а у мэнэ нэмае.

– А цену знаешь? – переглядываются Корунский с Осипенко.

– Ну да, четвертной.

– И пол кило шила, с закусью, – поднимает вверх палец Осипенко. – Найдешь?

– Якый разговор, – расплывается в улыбке старшина. – Я ж старший баталер.

В это время из здания появляется мичман и машет морякам рукой.

– Так, где нам тебя искать? – встает с лавки Корунский.

– Он у той халабуды, – кивает старшина на виднеющуюся за соснами бетонную постройку с плоской крышей.

– Добро, – отвечает Серега, и все идут к мичману.

Затем вместе с ним они получают на ближайшем складе несколько зеленых ящиков и шкатулок, несут их к машине и бережно загружают в кузов. Вскоре появляется лейтенант и сообщает, что нужно будет задержаться на пару часов. Нету какого-то начальника ведающего выдачей хронометров и биноклей.

– Корунский, – бросает он Сереге. – Перекусите тут сухпаем, а мы с мичманом съездим в город, пообедаем.

Когда начальство выходит за ворота, моряки извлекают из кузова армейский сидор с продуктами, Осипенко раздвигает горловину и достает оттуда пачку галет, а к ним две банки – с тушенкой и соком.

– На, братишка, подрубай, – вручает их шоферу. – А заодно присмотри за ящиками. Идет?

Молодой матрос, судя по виду первогодок, сглатывает слюну и с готовностью кивает головой. А вся компания, вернув сидор на место, направляется в сторону склада за соснами.

Там прохладно, пахнет новым сукном, и за обитым жестью прилавком сидит мордастый, с развернутой «На страже Заполярья» в руках.

– О, швыдко вы! – откладывает он газету в сторону после чего, заперев наружную дверь, приглашает всех в подсобку.

– Хорошо живешь, – окидывают гости уютное помещение, сплошь заклеенное полуголыми красотками, с немецким «Грюндигом» на столе, тумбочкой и диваном у стенки.

– Так де ваш товар? – говорит старшина, когда все усаживаются.

– На, – говорит Корунский и протягивает ему блеснувший эмалью наградной жетон.

– С лодкой, – довольно бормочет хозяин и тщательно его осматривает.

После этого, спрятав жетон в карман, он извлекает оттуда новенькую двадцатипятирублевку, отдает ее Сереге и поворачивается к стоящей рядом тумбочке.

На столе появляется бутылка спирта, несколько граненых стаканов, шмат посыпанного крупной солью сала, пару луколиц и белый кирпич хлеба.

– Держи, – протягивает старшина Гордееву большую медную кружку, – налей вон воды из-под крана.

После этого спирт разводится в нужной пропорции, каждый выпивает свою долю и закусывает.

– Хорошее у тебя сало, хлебное, – с видом знатока констатирует Осипенко.

– Ну да, полтавское – кивает баталер, земляки угостили.

– А до вокзала отсюда можно как-нибудь поближе пройти? – интересуется Лука, разливая остатки спирта.

– А чего ж нельзя, – ухмыляется старшина. – Прямо за моим складом, в заборе, лаз. А за ним, сквозь деревья, тропка

до железной дороги. Оттуда до вокзала минут десять.

– Ну, как, ходим? – вопросительно смотрит Лука на Корунского с Осипенко. – Пока начальства нету.

– Отчего ж, – берут те свои стаканы, – непременно.

Минут через пять, вытянувшись цепочкой, вся компания направляется по зеленой тропинке в сторону виднеющейся за деревьями железнодорожной насыпи.

– Серый, а Серый – спрашивает у Корунского Алешин. – А отчего на складах и в баталерках всегда одни хохлы?

– Хитрые потому что, – цвиркает слюной Корунский. – Вон и наш боцман, – кивает на Осипенко. – Почти все сало умял.

– Да пошел ты, – беззлобно огрызается тот. – Топай лучше быстрее, а то плетешься как черепаха.

На вокзал моряки попадают со стороны перрона и с удовольствием глазуют по сторонам. А посмотреть есть на что.

Прям напротив центрального здания, на главном пути, отсвечивая на солнце новенькими вагонами, стоит поезд «Архангельск-Москва», у которого суетятся пассажиры.

У одного из вагонов слышен звон гитары, смех и молодые голоса. Большая группа, судя по всему студенты, в стройотрядовских курточках, разукрашенных всевозможными значками и надписями, готовится к посадке.

– Ты смотри, сколько девчат, – переглядываются моряки и подходят ближе.

При их появлении, окруженный почитателями патлатый

гитарист задорно ударяет по струнам

Салага я-а, салага я-а,
На гражданске был стилиягою,
А теперь зовусь салагаю!

орет он в сторону моряков и студенты радостно гогочут.

– Никак он это про нас, а Серый? – оборачивается Оси-пенко к Корунскому.

– Эй ты, композитор, кончай эту лабуду! – басит здоровенный Кондратьев и тяжело ворочает шейю.

Чубчик мой ристакратический,
Сбрит машинкой электрической,
Туфли были мелажевые,
Дали сапоги кирзовые

надрывается певец, а двое вихляющихся рядом парней тычут в моряков пальцами и по очереди пьют из бутылки.

– Мишка, выпиши ему, – кивает на патлатого Корунский.

Кондратьев делает шаг вперед, гитара взлетает в воздух и с треском насаживается на башку поющего.

– А-а-а! – орут студенты, вслед за чем завязывается драка.

Через пару минут трое из них валяются на платформе, а остальные в панике бросаются к вагонам. Затем откуда-то возникает трель милицейского свистка, из здания вокзала выскакивает патруль и, гремя сапогами, несется к вагону.

– Бей крупу! – вопит Осипенко, размахивая намотанным на руку ремнем, и драка продолжается. Сержант и два солдата-десантника умело орудуют кулаками, но против шестерых моряков им приходится тяжело.

В самый разгар потасовки, на перрон въезжает зеленый грузовик и на платформу выпрыгивает еще десяток солдат в голубых беретах.

Через пять минут последнее бездыханное тело забрасывают в кузов, и грузовик уезжает.

– Ту-у-у! – весело гудит тепловоз, лязгают сцепки, и вагоны плавно катятся вдоль перрона.

...Коротко просигналив, грузовик останавливается у металлических ворот, с расположенным рядом КПП, они откатываются в сторону и машина въезжает на территорию части.

Миновав пустынный плац, с расположенными по периметру казармами, грузовик останавливается у трехэтажного кирпичного здания, с небольшим сквером перед ним, и задержанных выгружают из машины.

– Что ж вы суки, своих забираете, – шипит длинному ефрейтору Осипенко, и косится на того подбитым глазом.

– Ага, – а еще тельники носите, – шепелявит опухшими губами Лука. – Курвы.

– Давай, давай, топай, – говорит кто-то из десантников, и всех заводят внутрь. Потом, в сопровождении двух сержантов, моряков ведут к дежурному по части.

– Тэ-экс, – встает из-за стола перетянутый портупеей офицер с красной повязкой на рукаве и хмуро оглядывает задержанных. – Так это вы на вокзале бузили?

– Нет, товарищ капитан, – басит Корунский, в разорванной до пупа форменке. – Это студенты. Обзывали нас и все такое.

– Документы, – приказывает офицер и протягивает руку. Затем он садится за уставленный телефонами стол и рассматривает военные билеты моряков.

– В/ч 53117 это где?

– В Северодвинске, – следует ответ.

– С корабля?

– Да нет, мы с лодки.

– А тут как оказались?

– Приехали на базовые склады, за оборудованием.

– И с кем же?

– С командиром группы и старшиной команды.

– Фамилия командира? – откладывает в сторону военные билеты капитан.

Корунский называет, и дежурный записывает ее в блокнот.

– Ну что ж, орлы, готовьтесь в дисбат, – снова встает капитан. – Громов, отведи их в свою казарму, запри пока в бытовку и обеспечь охрану.

– Есть! – вскидывает руку к виску рыжий сержант.

Потом всю группу препровождают наружу и ведут к одной

из казарм.

– Да, вот это влипли, – бормочет Гордеев. – Точно посадят.

– Ладно, не ной, может еще обойдется, – хромает рядом Лука. – Эй, сержант у тебя закурить есть?

– Тут нельзя, у казармы покурите, – отвечает рыжий. – Чего ж вы дураки не подорвали?¹

– Это все гребаный патруль, – вздыхает Кондратьев. – А тут еще вы приехали.

– Да, дела, – щупает распухшее ухо второй сержант. – Загремите теперь под панфары.

У казармы все останавливаются, быстро перекуривают и заходят внутрь.

– Рот-тэ смир...! – вскидывается сонный дневальный у тумбочки.

– Молчи, дурак, – осекает его рыжий и тот удивленно пялится на необычную процессию.

Моряков заводят в обитую вагонкой бытовку, с несколькими гладильными столами, зеркалами на стенах и рядом стульев у стен. Они садятся и понуривают головы.

– Может морды умоете, а то видок у вас не того, – предлагает второй сержант, смуглый и с узким разрезом глаз.

– Отчего же, умоем, – кивает Осипенко, и задержанных препровождают в умывальник.

– Вы это, особо не расстраивайтесь, – усевшись на под-

¹ сбежали (жарг.)

оконник, говорит рыжий, наблюдая, как те снимают форменки и суют головы под краны. – Студенты тю-тю, уехали, так что потерпевших нету. Ну а мы не в претензии, ведь так, Казбек?

– Ну да, скалит белые зубы узкоглазый. – Какой разговор!

– Главное что б наш батя не залупнулся, – продолжает рыжий. – Это он приказал вас сюда доставить, вместо комендатуры.

– Зачем? – косятся на сержанта моряки.

– А хрен его знает, – пожимает тот плечами. – Наверное сам хочет разобраться.

Потом задержанных уводят и запирают в бытовке.

...Плотно пообедав в портовом ресторане, лейтенант Огнев с мичманом Умрихиным подъезжают на такси к КПП, расплачиваются и выходят наружу.

– Ну, все, Петрович, щас получим бинокли с хронометрами и домой, – благодушно заявляет офицер. Предъявив дежурному документы, они неспешно идут к административному зданию и бросают взгляд на стоящий в тени деревьев грузовик.

– Что-то наших бойцов не видать, – говорит мичман.

– Дрыхнут, наверное, где-нибудь на травке, – хмыкает Огнев, и они исчезают за дверью.

– Через несколько минут, изрыгая маты, начальники выскакивают обратно и рысью несутся к машине.

– Заводи, твою мать! – орет Огнев, хлопает дверца, взывает двигатель и грузовик выезжает с территории складов.

– Ну с-суки, мне ж э в этом году старшего получать! – трясет лейтенант перед носом мичмана зажатой в руке бумажкой. Ты хоть понимаешь, что будет?!

– Тот молча кивает и промокает платком взмокший лоб.

– Куда ехать, товарищ лейтенант? – косится на разъяренного офицера водитель, притормаживая на развилке.

– В город, куда, – шипит Огнев, разглядывая намалеванную на бумажке схему.

Через полчаса, поколесив по городу, машина останавливается неподалеку от ворот уже известной части, и лейтенант выпрыгивает из кабины.

– Так, ты пока будь здесь, а то еще и этот смоеся, – бросает он мичману и спешит к КПП.

Вскоре Огнев появляется снова, забирается в кабину и приказывает ехать обратно.

– Ну, как? – осторожно интересуется мичман.

– Хреново, – бурчит офицер. – Полковник у них зверюга, наорал на меня и требует командира.

– Да-а, дела, – озадачено бормочет Умрихин.

Пока Огнев звонит от дежурного в часть, мичман получает на складе оставшееся оборудование и загружает его вместе с водителем в кузов.

Затем грузовик снова выезжает за ворота и направляется в город.

На исходе второго часа у КПП останавливается новенький «УАЗ», из которого появляются старпом и штурман с кейсом в руке.

Огнев спешит навстречу и докладывает о происшествии.

– Мудило, – цедит капитан 2 ранга и вместе со штурманом исчезает за дверью.

О чем беседовали отцы-командиры неизвестно, но спустя некоторое время обе машины катили по шоссе в направлении Северодвинска.

А на следующее утро, после подъема флага, все шестеро героев этого рассказа, гремя ботинками, топали по причалу на гауптвахту. На полные пятнадцать суток.

Губари

– Подъем! – орет из коридора чей-то голос и на потолке тускло вспыхивает упрятанный под металлическую сетку фонарь.

В камере слышится недовольное бормотание, с жестких «самолетов» сползают темные фигуры и, напяливая на себя служившие одеялами шинели, зевают.

В низком мрачном помещении с забранным решеткой окошком и инеем по углам, их шестеро. Двое с бербазы, один с «пээмки», остальные с лодок.

– Поспать не дают, курвы, – хрипло басит один из бербазовских, со старшинскими лычками, извлекает упрятанный в «самолете»² бычок, прикуривает и пускает по кругу.

Всем достается по паре затяжек и сон улетает.

– Интересно, куда сегодня погонят? – перематывая на сапогах портянки, – бубнит старший матрос с «пээмки» и сплевывает на бетонный пол.

– А нам татарам один хрен, что пулемет, что самогон, – сладко зевает один из подводников и дружески толкает в бок соседа.

– Ага, – кивает тот вихрастой башкой. – Одинаково с ног валят.

² сьемном топчане

За массивной дверью камеры лязгает засов, и она с визгом открывается.

– Вторая, на оправку, – бурчит хмурый матрос с автоматом на плече и кивает головой на кишку коридора.

Вся шестерка выходит из камеры и в его сопровождении направляется в галльон, совмещенный с умывальником. Там оглушительно воняет хлоркой и в бетонных «очках» пищат крысы.

Сделав свое дело, моряки ополаскивают лица под кранами с парящей от холода водой и утирают их подолами роб.

– В камеру, – бросает конвойный и ведет их обратно.

Потом начинается завтрак и каждый получает по кружке горячего кофе, миске гречневой каши и птюхе белого хлеба с кубиком масла.

– Опять эта каша, – брюзжит один из моряков с лодки и отпихивает от себя миску.

– Не скажи, – активно орудует ложкой сосед. – У нас на «пээмке» по утрам чай, «шрапнель» и черняшка. А тут лафа, жить можно.

После завтрака всех губарей заставляют вытащить из камер во двор «самолеты» – для проветривания.

– Хотел бы я знать, какая сука придумала эту хрень?, – таща на горбу свой лежак, – пыхтит один из матросов.

– А это, братишка, что б служба раем не казалось, – ухмыляется старшина.

В восемь утра арестованных выстраивают во дворе у вы-

сокой ограды, с караульной вышкой и часовым на ней, и перед шеренгами возникает сам начальник гауптвахты, прапорщик Чичкарев, в сопровождении начальника караула.

– Р-равняйся! Смир-р-на!, – по петушиному орет он, и где-то за забором взлаивают собаки.

Грозно нахмурившись и скрипя начищенными ботинками по снегу, прапор медленно идет вдоль строя и уничижительно цедит, – кр-расавцы!

В нахлобученных на уши шапках, измятых шинелях без ремней и заправленных в яловые сапоги широких штанах, «красавцы» стоят с безразличным видом и тупо пялятся на начальство.

– Слушай наряд, лишенцы! – вернувшись к центру, извлекает из-за обшлага шинели бумагу Чичкарев.

– На снег – двадцать, на цемент – двадцать, в порт десять! – Разводите, старший, – кивает он начкару, прячет бумагу и отправляется внутрь, шмонать камеры.

Через десять минут три расхлябанных группы, первая из которых вооружена лопатами и скребками, в сопровождении конвойных выходят наружу и плетутся в сторону поселка. Там одна остается на площади у ДОФа и начинает вяло грести снег, вторая спускается к строительным складам, а третья направляется в сторону небольшого порта, что рядом с базой.

В ней все моряки из второй камеры и еще четверо арестованных.

– Вить, а ты уже работал в порту? – спрашивает матрос с лодки шагающего рядом старшину.

– Ну да, – кивает тот. – На прошлой неделе.

– И как?

– Сам увидишь, – заговорщицки подмигивает старшина и просит у конвоира закурить.

Тот, опасливо оглянувшись, достает из кармана мятую пачку «Примы» и сует старшине в руку. Губари на ходу закуривают, прячут сигареты в рукавах и топают дальше.

На территории заметенного снегом порта, где у бетонной стенки стоят несколько пришвартованных барж, группу встречает статная дама в финской дубленке и валенках.

– Прибыли, мальчики? – весело оглядывает она моряков. – Значит так, – показывает рукой в вязаной варежке на одну из барж. – До вечера нужно ее разгрузить. В трюме продукты, апельсины и вино. Справитесь?

– А то! – басит старшина и сдвигает на затылок шапку.

– О, Витя! – удивляется женщина. – Ты опять к нам?

– Ну да, Петровна, – разводит руками старшина. – Куда ж я от вас денусь?

Остальные переглядываются и одобрительно гогочут.

– Ну, тогда за работу, – говорит женщина. – Сейчас подойдет машина.

Весело переругиваясь и балагурия, моряки взбегают по трапу на баржу, отдраивают затянутые брезентом лючины и спускаются вниз.

– Ты смотри, сколько всего, – восхищенно тянет старший матрос с «пээмки», оглядывая заиндеветый трюм, доверху набитый всевозможными мешками, ящиками и коробками.

– «Марокко», – читает кто-то наклейку на одной из коробок. – А тут вино, – расплывается в улыбке усатый подводник и тычет пальцем в картонную коробку. – «Старый замок», нам такое в море дают.

– Ну ладно, кончайте треп, – покосившись на коробку, изрекает старшина. – Вино от нас не уйдет, а пока за дело. Ты, Васька, – кивает он усатому, – бери четверых и дуйте наверх. Будете принимать и грузить в машину. Ну, а мы тут «пошуршим».

Через несколько минут в трюме кипит работа, коробки мешки и ящики исчезают в люках, наверху топают матросские сапоги.

– Шабаш! – орет через час, свесившись вниз, Васька, и разгрузка прекращается.

Старшина удовлетворенно хмыкает, извлекает из одного ящика бутылку вина и несколькими ударами кулака по донышку, вышибает из нее пробку.

Бутылка пускается по кругу, затем ударяется о металлический кронштейн и осколки возвращаются обратно.

Потом все лезут по скоб – трапу наверх и сходят на причал, откуда, урча мотором, отъезжает тяжело груженный «захар».

– Так, мальчики, – подходит к морякам женщина. – Пока

вернется машина, погрейтесь в конторе. Кстати, Витя, ничего не разбили? – обращается она к старшине.

– Да сорвалась одна коробка, Петровна. Четыре бутылки всмятку, – сокрушенно вздыхает тот.

– Ага, – кивают головами остальные. – Сорвалась.

– Вы уж пожалуйста аккуратней, – говорит женщина, исчезая в расположенном неподалеку ангаре. А губари идут к небольшому кирпичному зданию и заходят внутрь. Там тепло и на длинной скамье у окна, обняв автомат, дремлет конвойный.

– Не спи, убогий, замерзнешь! – хлопает его по плечу Васька, и все хохочут.

– Это вам, – зевая, кивает матрос на стоящий рядом картонный ящик, с оранжевыми апельсинами и несколькими пачками «Беломора».

По помещению разносится душистый запах юга, под толчком плавают дым папирос, всем хорошо.

– А эта Петровна ничего, – мечтательно тянет Васька, пуская кверху синеватые кольца. – Вот бы ее трахнуть.

– Дура, – лениво гудит старшина, – это ж жена коменданта. Он тебя так трахнет.

От хохота в помещении звенят стекла, а озадаченный Васька чешет затылок.

Хлопает входная дверь и на пороге возникает женщина.

– Ребята, пора, пришла машина, – говорит она и, сняв варежки, дует на пальцы.

– Почапали, труженики моря, – встает старшина, после чего все выходят наружу.

Теперь вниз лезет вторая партия, фокус с бутылкой повторяется и работа кипит.

Очистив к полудню изрядную часть трюма и припрятав курево в потайные места, вся бражка, сопровождаемая конвойным, направляется на гауптвахту, обедать.

На обед дают наваристый борщ, макароны по – флотски и компот, доставленные нарядом с камбуза.

– Вот это другое дело, – мычит Васька, активно работая ложкой. – Не то, что каша.

Через час парни снова на барже и работа продолжается. Теперь в трюме ярко горит переноска, голоса звучат громче и резонируют в корпусе.

Последнюю машину загружают в сумерках.

– Ну, вот и все, амба, – утирая потное лицо шапкой, – удовлетворенно басит старшина.

– Спасибо вам, мальчики, – проводив взглядом исчезающий за воротами грузовик, подходит к парням женщина.

– Да чего там, – небрежно машет рукой Васька. – Для нас это плевое дело.

Затем, разобравшись попарно, моряки выходят за ворота и направляются в сторону поселка. Под тяжелыми сапогами скрипит искристый снег, в небе зажигаются первые звезды.

Крысиный король

После учебы в атомном учебном центре в Палдиски, наш экипаж прибыл в Северодвинск для приемки и испытания нового ракетного крейсера третьего поколения.

Разместили нас на стоящей в порту плавбазе «Иртыш», где проживали еще несколько экипажей находящихся в ремонте лодок. Поселившись в двух кубриках, расположенных под офицерской палубой, мы быстро познакомились с другими ребятами и командой плавбазы. Состояла она из полусотни моряков срочной службы, возглавляемых пожилым капитаном 1 ранга и несколькими мичманами.

В силу преклонности лет «Иртыш» в море не ходил, но содержался в образцовом порядке. Его высокий корпус и надстройки были выкрашены в шаровый цвет, деревянная палуба регулярно драилась и сияла первозданной чистотой, а все машины и механизмы находились в полном порядке.

Был у старой плавбазы единственный недостаток – крысы. Днем они прятались в укромных местах, а с наступлением ночи выходили на охоту, делая набеги на провизионки, камбузы и прочие места, где можно было чем-нибудь поживиться.

Причем, не ограничиваясь продуктами, всеядные разбойники грызли и оплетки электрокабелей, что порой вызывало короткие замыкания в судовой сети.

По этому случаю моряками плавбазы с ними велась

непримиримая борьба, одним из главных стимулов которой была возможность получить краткосрочный отпуск с выездом на родину, за двадцать отловленных бестий. А для этого следовало представить командованию указанное их число натурой.

По утрам, перед подъемом флага, дымя сигаретами у обреза на корме, мы не раз наблюдали, как пришипленные остро заточенными пиками к палубе, крысы отдавали богу душу. А после отбоя, свободные от вахты моряки плавбазы, выходили на ночную охоту.

В один из субботних вечеров, будучи не пущены в увольнение за какую-то провинность, мы втроем: Витька Допиро, Саня Александров и я, загнав местным аборигенам умыкнутый с завода кусок плексигласа для поделок, уединились с двумя из них в румпельной выгородке и пили брагу. Ее на плавбазе «по тихому» делали из яблочного сока, сахара и дрожжей, сбразивая в предварительно выпаренных огне-тушителях.

Во время дружеской травли, которая неизбежна в таких случаях, Саня, опорожнив очередную кружку с веселящим напитком, заявил что знает, как можно вывести на судне крыс.

– Иди ты, – недоверчиво хмыкнул один из плавбазовских, со старшинскими лычками. – Они тут были всегда, нам мичмана рассказывали.

– А я говорю можно, – ухмыльнулся Саня. – Вот послу-

шайте.

Для начала нужно найти железную бочку, а затем отловить пяток крыс. Желательно покрупнее. После этого поместить их туда и не давать жрать.

– Совсем, что ли? – выпучил глаза второй плавбазовец.

– Ну да, – кивнул головой Саня. – Ничего, кроме воды.

– Ну ты даешь, так они же подохнут! – не согласился Допиро.

– А вот и нет, – наклонился к нему Саня. – Дней пять попостятся, а потом начнут жрать друг друга. Выживет сильнейший, – такого называют «крысиный король». Его надо выпустить и он займется остальными.

– Не, такого не может быть, – не согласились парни с плавбазы. – Заливаешь.

– Ну смотрите, мое дело предложить, – пожал Саня плечами, и мы хлопнули из огнетушителя еще по кружке.

– А кто тебе рассказал эту туфту? – закуривая «Приму», поинтересовался я у друга.

– Сам ты туфта, – обиделся тот. – Это я слышал, когда был на практике на «Крузенштерне», после мореходки. Боцман рассказывал. А он протрубил на флоте лет двадцать.

– Боцман говоришь?, – заинтересованно взглянул на Саню плавбазовский старшина. – С «Крузенштерна»? Тогда другое дело. А, Серега? – пихнул он в бок, начавшего клевать носом приятеля

– Ага, другое, – очнулся тот. – Плесни еще малость...

Утром воскресенья, кряхтя и переругиваясь, наши знакомцы подняли с пристани на «Иртыш» бочку из-под дизтоплива и поволокли ее в низы.

– Думаешь получится? – поинтересовался я у Сани.

– Да хрен его знает, – флегматично ответил приятель, сплевывая за борт. – Я лично не пробовал.

А в понедельник мы вышли на очередную отработку в море, откуда вернулись спустя месяц. Помывшись в плавбазовской бане поужинали и завалились спать. На следующий день был назначен строевой смотр и мы обрелись на базе.

– Интересно, как там у наших крысоловов, получилось чего? – надраивая асидолом потускневшую бляху, вякнул Допиро.

– Вечером узнаем, – сказал Саня, отпаривая шипящим утюгом клеша.

После ужина, когда в кубрике застрекотала экипажная «Украина», мы втроем поднялись наверх и отыскивали своих знакомцев.

– Какие успехи на крысином фронте? – спросил Витька у старшины.

– Ништяк, кореша! – радостно заявил тот. – Все получилось. «Тирпиц» давит крыс лучше кошки. А мне во, очередную соплю навесили, – ткнул он пальцем в третью лычку на погоне.

Годок

Незадолго до моего увольнения в запас, в наш славный экипаж вместе с молодым пополнением из Ленинградского отряда подводного плавания прибыл матрос, который всех здорово заинтересовал. Во-первых, своей внешностью – по росту и ширине этот коротышка был одномерным, во – вторых дикцией, говорил он мало и невнятно, а еще возрастом – парню было под тридцать.

Впоследствии выяснилось, что его за что-то выперли с последнего курса ветеринарного института, и студент загремел на три года на флот.

Этим сразу же воспользовались юмористы из БЧ-5, куда попал новичок и сообщили тому, что матросам с таким образованием на лодках сразу же присваивают звания старшин. Иди мол, к механику и дело в шляпе. Тем более что и возраст у тебя подходящий. Чем не старшина?

Тот и пошел. Какой разговор состоялся между ним и крайне нервным «дедом» история умалчивает, но от него молодой вышел весь в соплях, и сразу же был препровожден в трюм, убирать гидравлику. А советчики, похлопывая его по плечам, советовали все это так не оставлять и жаловаться замполиту.

Молодой этого делать не стал, но через несколько дней снова попал «в историю».

Вернувшись вечером с лодки в казарму и увидев, что несколько старшин возлегли на койки, он тоже взгромоздился на свою, на втором ярусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.